

DOI 10.17150/978-5-7253-3124-0.26
УДК 323.26-055.2(47)(091)
ББК 66.3(2Рос),1

Д.Л. СКИПИН
И.В. СКИПИНА

ЖЕНСКОЕ УЧАСТИЕ В БОРЬБЕ ЗА КРЕСТЬЯНСКУЮ ПРАВДУ В КОНЦЕ 1920 – НАЧАЛЕ 1921 ГОДА (НА МАТЕРИАЛАХ ТЮМЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

На основе разнообразных источников и гендерного подхода авторами анализируется позиция крестьянок Тюменской губернии зимой 1920–1921 гг., когда большевиками активно проводилась продовольственная разверстка. Отмечено, что крестьянское восстание началось с недовольства женщин, они хорошо понимали, что изъятие хлеба приведет к голоду, и им не чем будет кормить детей. Особенно остро нехватку продовольствия чувствовали жены красноармейцев, которые вынуждены были единолично заботиться о своей семье. Женщин возмущали жесткие методы проведения продовольственной разверстки и превышение должностных полномочий продоволь-

ственными работниками. Насильственное изъятие хлеба стало главной причиной женского участия в антибольшевистском крестьянском движении 1921 года. Протесты были подавлены силой, в результате у крестьян появился страх, понимание того, что Советская власть пришла надолго, придется с этим считаться и искать пути, позволяющие выжить в сложившихся условиях.

Ключевые слова: женское участие, крестьянское восстание, 1921, Гражданская война, продовольственная разверстка.

*D.L. SKIPIN,
I.V. SKIPINA*

WOMEN'S PARTICIPATION IN THE STRUGGLE FOR PEASANT TRUTH IN THE LATE 1920S AND EARLY 1921 (ON THE MATERIALS OF THE TYUMEN PROVINCE)

The authors use various sources and gender approach to analyze the position of the peasant women of Tyumen province in the winter of 1920–1921 when the Bolsheviks actively carried out the food sweep. It is noted that the peasant uprising began with the discontent of women, they were well aware that the withdrawal of bread would lead to starvation, and they would not have anything to feed their children. Food shortages were particularly acute for the wives of Red Army soldiers, who were forced to take care of their family on their own. Women were outraged by the harsh methods of food deployment and abuse of power by food workers. The forced removal of bread was the main reason for women's participation in the anti-Bolshevik peasant movement of 1921. Protests were suppressed by force, as a result, peasants developed fear, understanding that Soviet power had come for a long time, they would have to reckon with this and look for ways to survive in the current conditions.

Keywords: women's participation, peasant uprising, 1921, Civil War, food deployment.

Революционные изменения 1917–1922 гг., произошедшие в России, активно изучаются современными исследователями, это связано со стремлением историков отойти от стереотипов в исследовании прошлого, сделать шаг к рассмотрению данного периода с позиций антропологического, гендерного анализа, позволяющего наметить новые пути оценки событий, уловить закономерные и особенные черты пережитого с целью осознания исторического опыта войны и формирования исторической памяти о пережитом. Значительный интерес продолжает вызывать завершающий этап Гражданской войны, закончившийся победой большевиков и определивший развитие страны на длительный период. На этом этапе произошли крестьянские восстания, которые были на-

правленны против властей и проводимой ими социально-экономической политики. Одним из самых мощных таких выступлений является Западно-Сибирское крестьянское восстание 1921 года. В.И. Шишкин подчеркивает, что восставшие таким образом выразили протест против действий продорганов, осуществлявших мероприятия продразверстки, так как она в значительно превышала продовольственные возможности крестьян. Особенно остро деревня реагировала на семенную разверстку, которая сопровождалась изъятием запасов, планируемых для проведения весеннего сева [1, с. 112–122]. Противостояние вылилось в открытое недовольство властями на территории Тюменской губернии в конце декабря – середине января 1921 года, когда большевики, используя самые дерзкие методы, стали покушаться на главную ценность российского крестьянства – хлеб [2, с. 43–49].

Цель данной публикации: показать роль женского участия в недовольстве крестьян политикой властей, как важном факторе Гражданской войны, свидетельствующем об исчерпании маскулинных усилий в противодействии коммунистам к концу 1920 – началу 1921 гг. и переходе гражданского противостояния в завершающую фазу, когда на переднем крае борьбы с большевиками оказались женщины и дети. Победить в противостоянии пролетарской диктатуре недовольные не смогли, но эта борьба показала, что власти не остановятся ни перед чем, защищая достигнутую победу, вплоть до насилия и зверских убийств гражданского населения.

В процессе работы были использованы антропологический подход, исторический, проблемный и гендерный методы. Основными источниками работы стали материалы законодательства, данные статистики, делопроизводства, исходящие из противоборствующих лагерей, периода 1920-х гг. и эго-источники.

Историки уже в первые годы советской власти отмечали активное участие женщин в революционной борьбе, что было особенно характерно для горожанок. Женское население деревни долгое время оставалось в стороне от революционного активизма, хотя просветительская работа большевиков проводилась и в селах. Исследователи отмечали, что положение женщин значительно изменилось под воздействие Первой мировой и Гражданской войны: большинство мужчин были на фронте, многие, ранее приживавшие в одной территории, оказались по разные стороны баррикад, и это вносило напряжение в сельскую жизнь, усложняя и без того тяжелое положение женщин, которые в одиночку содержали семью и вели хозяйство.

В сложившихся условиях представители «слабого пола» были вынуждены принимать решения не только по семейным вопросам, но и вникать в экономику ведения хозяйства и добиваться реальных резуль-

татов. Самостоятельная женщина в условиях Гражданской войны являлась типичной фигурой российской деревни. Крестьянки повсеместно демонстрировали активность, что было простимулировано предоставлением им избирательных прав в 1917 году, пропагандой равенства с мужчинами, агитационной работой борющихся сторон, призывами к участию в вожженной борьбе, что еще более побуждало к само-пониманию своего положения. Революционных изменения значительно осложнили женскую повседневность, так как им приходилось работать и за себя, и за ушедших на фронт мужчин, заниматься домом, заботиться о детях. Крестьянка встала перед необходимостью решения вопросов, которые ранее считались прерогативой мужа, она ощутила себя не просто работницей, а самостоятельной личностью, почувствовала груз ответственности за свои поступки. Несомненно, что изменения, произошедшие в стране, агитационные мероприятия, проводимые в годы войны противоборствующими сторонами, способствовали женским инициативам, формируя самосознание слабой половины человечества. Война сделала женщину самостоятельной, готовой принимать единоличные решения, что не могло не стимулировать процессы самоидентификации и самоопределения. Война закалила «слабую половину» человечества, сохранив в ней, как отметили некоторые исследователи, нечто бабье, иррациональное, бунтарское. П.П. Марченя указал на негативное воздействие на общество сокращения в России мужского населения: «Рост удельного веса женщин в гражданском населении и патологические изменения гендерных пропорций в различных сферах социальной практики активно способствовали эскалации девиантных форм поведения» [3, с. 93]. В.П. Булдаков считает, что чрезмерная скученность женщин «всегда создает предрасположенность к истероидному типу социального поведения, проще говоря, чревата «бабьим бунтом» [4, с. 33–34]. В целом историки соглашаются с теми, кто писал о «вечно бабьем» в русской душе. Так, В.П. Булдаков отметил, что люди, изучающие охлос, давно заметили, что толпа женственна своими аффектациями и истеричностью; возможно, ключ к пониманию психологии взаимоотношений массы и власти, связан с осмыслением «вечно бабьего в русской душе» [там же, с. 93]. Однако проблема женского участия в Гражданской войне, по мнению ученых, продолжает оставаться «белым пятном» в историографии.

Женщины проявили открытое неповиновение властям, когда их терпение было на исходе. Гражданская война подходила к своему завершению, противостояние закончилось победой большевиков. Однако хлеба в городах и деревнях не хватало, поэтому власти продолжали политику продразверстки. У крестьян изымали продовольствие, вплоть до семян. В сложившейся обстановке в особенно тяжелом положении оказались женщины, чьи мужья были мобилизованы в ряды Красной Армии, их хо-

зайства оказались наиболее уязвимыми в экономическом отношении. Это ярко проявилось в крестьянском недовольстве властями в конце 1920 – начале 1921 гг. в Западной Сибири, когда именно женщины выступили яркими противниками изъятия продовольственных запасов [5, с. 281–289]. К такому решению их подтолкнула реализация властями Постановления СНК «Об изъятии хлебных излишков в Сибири», принятого 20 ноября 1920 года. Основной причиной, неповиновения стала продразверстка, «выкачивающая» из деревни зерно, в том числе и семенной хлеб, что грозило перерасти весной в голод. Многочисленные документальные данные свидетельствуют, что именно продразверстка положила начало «бабьим бунтам», вылившимся в крестьянское восстание. В борьбу вступили женщины, отстаивающие свое право на хлеб, что привело к нарастанию противостояния деревни и властей.

Донесения с мест свидетельствовали, что именно крестьянки стали инициаторами собраний, на которых обсуждали вопрос об отказе сдавать продукты, они организовывали избиение коммунистов и продработников, так как те вскрывали склады с зерном и увозили изъятые в города. Ситуация в Тюменской губернии постепенно выходила из-под контроля властей. И. Курышев установил, что, например, женщины Пегановской волости Ишимского уезда 31 декабря 1920 г. в ответ на «ударное» выполнение продразверстки решили действия советских работников считать незаконными. Они обезоружили продовольственный отряд, состоящих их 9 человек, и обратились к местному начальнику милиции с просьбой расследовать незаконные действия продработников [6, с. 3].

Противоречия в деревне нарастали. Женщины принимала в событиях самое деятельное участие во всех территориях Тюменской губернии. Так, начальником 4 района Ишимского уезда Н.Н. Нечаевым был установлен факт превышения полномочий представителем губернского продовольственного комитета И.П. Абабковым, отряд которого дал «три залпа по детям малым и беззащитным женщинам» [7, с. 64–65]. Конфликтные ситуации между советскими работниками и женщинами складывались повсеместно. Так, Пьянковская районная милиция 20 декабря 1920 года была разоружена разъяренной толпой женщин [там же, с. 69]. Военный следователь Громаковский в своем донесении по этому делу отмечал, что в селе Пьянково кулаки хитрили и выставляли в первые ряды недовольных женщин, в основном красноармеек, а сами действовали за их спинами [там же, с. 75]. Повстанцы не щадили жен коммунистов и мстили им за мужей, усматривая в них сторонников большевистской власти. Так, арестованные повстанцами жены коммунистов села Пеганово Ишимского уезда, были изнасилованы караульными. В аналитическом докладе командира 75 бригады ВНУС Н.Н. Рахманова,

указывает И. Курышев, говорилось, что в Омутинском районе повстанцы подвешивали женщин и детей, у беременных жен красноармейцев разрезали животы, чтобы в корне истребить семья коммуны [4, с. 21–35]. На заседании Президиума Курганского уездного исполкома, состоявшегося 10 января 1921 года, говорилось, что всего в селах уезда было арестовано 326 повстанцев, «большинство женщины – матери многочисленных семей» [там же, с. 85]. Документы свидетельствуют о многочисленных фактах жестокого обращения властей с повстанцами, с одной стороны, а, с другой стороны, о расправах крестьян с продработниками, что свидетельствовало о разрушении привычных связей между властями и деревней. В итоге крестьяне теряли заинтересованность в труде, переживали унижения, насилие, страх голода.

По мнению В.П. Булдакова: «... После уничтожения вертикали производство – изъятие прибавочного продукта (тождественного культурному коду власти-подчинения) крестьяне, т.е. основная масса подданных империи, ощутили себя в «плоском» (квазиобщинном) социокультурном пространстве. Это вызывало психологическую потребность к восстановлению иерархичной осмысленности существования снизу. Но, с другой стороны, это же оставляло власти свободу в навязывании сверху удобных ей форм и символов подчинения. Последнее основательно облегчилось тем, что «вечно бабье в русской душе» обрело свое мощное социальное подкрепление именно в «демускулизованной» Гражданской войной деревне» [1, с. 678–679].

В настоящее время все чаще встают вопросы о важности формирования исторической памяти об этих событиях, о значимости их в истории, о современных оценках пережитого и формировании неприятия насилия в решении социально-экономических проблем. Несомненно, что глубинное понимание этих процессов связано с дальнейшим изучением самосознания людей, с пониманием ими происходивших событий, анализом процесса самоопределения на каждом из этапов противостояния. В этом отношении позиция женщин, которую они занимали на протяжении войны, изучение их роли в происходящем, позволит проследить процесс складывания как коллективной, так и индивидуальной идентичности советского социума в период его становления. Крестьянские восстания, произошедшие в Тюменской губернии, показали, что победу советов население признало, но коммунистический «нерыночный» подход к решению экономических и социальных вопросов не было готово ни понять, ни поддержать. Лозунг «Советы без коммунистов!», ставший лозунгом восстания, крестьянам претворить не удалось, большевистская власть к этому времени держала население под контролем и могла проводить свои решения, используя методы террора, в том числе против женщин и детей, добиваясь поставленных задач. Победа в Гражданской

войне позволила большевикам на долгое время установить диктаторские полномочия, подавляя локальные недовольства отдельных социальных групп, используя самые крайние методы управления.

В деревенской среде, считает В.И. Шишкин, отношение к повстанцам было неоднозначное: одни открыто поддерживали восставших, другие тихо сочувствовали, не решаясь принять участие в движении, третьи были против восставших и приняли участие в подавлении недовольства. По его мнению, крестьянский протест явился проявлением самозащиты, это был единственный достойный выход из положения в рассматриваемый период. Восставшие защищали свои семьи, детей, стариков, женщин, право на хлеб и свободную жизнь, отстаивали «существовавшие десятилетиями общественные нормы и порядки» [1, с. 118].

В середине марта 1921 года, под воздействием крестьянских восстаний, произошедших в разных территориях страны, продразверстка была заменена продналогом, который взимался с крестьян в меньшем объеме, несомненно, что на принятие этого решения оказал влияние и женский активизм. Положение стабилизировалось, но сельское хозяйство оказалось подорвано, люди голодали, деревня «ушла в себя», появился страх, понимание того, что большевики будут отстаивать свои интересы любыми способами. В сводке о положении в Ишимском уезде Тюменской губернии, подготовленной весной 1921 года, отмечалось: «После бандитизма ... крестьянин замкнулся в свою хозяйственную скорлупу с психологией: не трогайте меня, и я никого не хочу трогать...» [9, лл. 53, 58]. Крестьянские восстания 1921 года оказались не менее опасными для большевиков, чем «белое движение». Советскому руководству пришлось уменьшить нажим на деревню, отказаться от принципов военного коммунизма и перейти к реализации новой экономической политики. В сложившихся условиях необходимо учитывать фактор женского недовольства, особенно заметно проявившийся на этапе завершения Гражданской войны, когда они действительно показали свою неудовлетворенность пролетарской диктатурой. Властям пришлось выбирать между усилением насилия, в том числе против слабого пола и детей, составляющих значительную часть населения деревни, и внесением корректив в свой экономический курс. Большевики после колебаний, как известно, выбрали новую экономическую политику и отказались от продовольственной разверстки.

Список использованной литературы и источников

1. Шишкин В. И. Западно-Сибирское восстание 1921 года: забвение, изучение, мемориализация / В. И. Шишкин // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2021. – Т. 20, № 8: История. – С. 113–123.

2. Скипин Д. Л. «Хлеб насущный» как жизненная ценность российского крестьянства / Д. Л. Скипин, И. В. Скипина // Государственная власть и российское (сибирское) крестьянство в годы революции и гражданской войны). – Ишим : ИГПИ, 2001. – С. 43–49.
3. Марченя П. П. Массовое правосознание и победа большевизма в России / П. П. Марченя. – Москва : Изд-во «ЩитМ», 2005. – 206 с.
4. Булдаков В. П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия / В. П. Булдаков. – Москва : Российская политическая энциклопедия, 2010. – 967 с.
5. Курышев И. В. Печать партизан и повстанцев Западной Сибири в годы гражданской войны (1919 – 1921 гг.): сравнительная характеристика / И. В. Курышев // Научный диалог. – 2015. – № 12 (48). – С. 280–290.
6. Курышев И. В. О социальном поведении участников Западно-Сибирского восстания 1921 года (на материалах Ишимского уезда) / И. В. Курышев // Государственная власть и российское (сибирское) крестьянство в годы революции и Гражданской войны. – Ишим : ИГПИ, 2001. – С. 2–11.
7. Сибирская Вандея. 1920–1921 / Сост. В. И. Шишкин. – Москва : Демократия, 2001. – 776 с.
8. Курышев И. В. Крестьянское восстание 1921 года в Ишимском уезде: облик и поведение участников / И. В. Курышев // Коркина слобода. Историко-краеведческий альманах. – 2001. – № 3. – С. 22–35.
9. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 222.

Информация об авторах

Скипин Дмитрий Леонидович – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономической безопасности, системного анализа и контроля, Тюменский государственный университет, 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, 12, к. 8, e-mail: d.l.skipin@utmn.ru

Скипина Ирина Васильевна – доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения и документационного обеспечения управления Тюменский государственный университет, 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, 12, к. 8, e-mail: i.v.skipina@utmn.ru

Authors

Dmitry L. Skipin – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economic Security, System Analysis and Control, Tyumen State University, Tyumen, 625003, Lenin str., 12/8, Tyumen, 625003, d.l.skipin@utmn.ru

Irina V. Skipina – D.Phil. in History, Professor, Document Science and Document Management Department, Tyumen State University, Lenin str., 12/8, Tyumen, 625003, i.v.skipina@utmn.ru